

030

ПОЦЕЛУЙ

ЭЛЛИ БЛЕЙК

Моя единственная надежда

HARLEQUIN®

kiss™

Поцелуй – Harlequin

Элли Блейк

Моя единственная надежда

«Центрполиграф»

2014

Блейк Э.

Моя единственная надежда / Э. Блейк — «Центрполиграф»,
2014 — (Поцелуй – Harlequin)

Райдер Фицджеральд приезжает на урок танцев. Молодой преуспевающий владелец строительной компании, он вынужден смириться с этим нелепым занятием, чтобы не расстраивать свою младшую сестру, которая собирается замуж и хочет, чтобы ее свадебный танец с братом выглядел прилично. Оказавшись в старом полузаброшенном здании, где находится студия, Райдер ожидает увидеть в роли преподавателя какую-нибудь потрепанную жизнью даму. Однако его поджидает настоящий шок по имени Надя Кент. Ее удивительная красота и необычный характер невольно погружают Райдера в пучину страсти. Надя тоже не остается равнодушной к блестящему красавцу архитектору, обладающему незаурядным умом и сексуальной притягательностью. Все осложняется тем, что и у Нади, и у Райдера есть веские причины не желать, чтобы эта связь переросла в нечто более серьезное...

© Блейк Э., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Элли Блейк

Моя единственная надежда

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

© 2014 Ally Blake

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

Райдер Фицджеральд захлопнул дверь машины. Под ногами хрустнул мелкий гравий. Прищуренный взгляд скользнул по зарешеченным витринам магазинов и спящим окнам первого и второго этажей. Лишь из арочных окон третьего этажа лился мягкий золотистый свет. Он оглянулся на свою машину, ее винтажные контуры мерцали в темноте, с сердитым видом нажал на кнопку, включая сигнализацию, и в очередной раз посмотрел на розовую бумажку, на которой Сэм вывела каракули с названием и адресом в надежде, что он неправильно прочитал их. Но нет.

Именно в этом обшарпанном здании на боковой улочке размещалась «Академия танца Амелии Брант». Здесь он рассчитывал найти женщину, которую наняла его сестра Сэм, чтобы к свадьбе ее гостей научили танцевать. Учитывая, что через два месяца Райдеру предстояло стать счастливецом, ведущим ее к алтарю, его это тоже касалось.

Свадьба. Уже от одной мысли о ней Райдер ощущал неприятное стеснение в горле. Когда он напомнил Сэм, сколько раз она, исполняя свой дочерний долг, присутствовала на многочисленных, до скандальности, свадьбах их отца, она просто сунула ему в руку бумажку с адресом.

– Инструктор там обалденная! – выпалила она. «Надеюсь, что это так», – подумал он, имея в виду стоимость уроков. – Ты ее полюбишь! Если и существует человек, который сможет научить тебя танцевать, как Патрик Суэйзи, так это она!

– Понятия не имею, о ком ты говоришь, – заявил Сэм, – к тому же я не гарантирую, что смогу бывать там каждый четверг в семь вечера, так что тебе придется ходить без меня.

Однако Сэм с радостным видом заверила, что инструктор по танцам согласна давать уроки в любое удобное для него время. Неудивительно. Наверняка Сэм предложила ей столько денег, что хватило бы на шестимесячный круиз.

– Ты сам виноват, что она так избалованна, – проворчал он вслух, скомкал розовый листок и сунул его в переполненную урну.

Поднявшись по ступенькам к входной двери, он машинально поправил запонки. Ночь была душной, какие случаются в Мельбурне нечасто, и Райдер с удовольствием избавился бы от своего костюма. День тянулся бесконечно, поэтому сейчас ему меньше всего хотелось исполнять ча-ча-ча с какой-нибудь гранд-дамой с тугим пучком и расплывшимся макияжем, которая будет тяжело дышать на него содержимым бутылки «Крем де Мент», припрятанной в проигрывателе. В кармане затрещало – Сэм уже начинала дергаться. А он достаточно много лет провел под страхом ее *дерганья*, чтобы понимать, что возвращение к школьному вальсу обойдется гораздо дешевле выслушивания панических телефонных звонков сестры.

– Я на урок, – коротко ответил он и отворил тяжелую красную дверь.

На створках старомодного лифта криво висела табличка «Не входить». Пришлось тащиться вверх по узкой лестнице, освещенной пыльными светильниками. Воздух становился удушливее и тяжелее с каждым этажом. Наконец он добрался до массивной черной двери на кричащих золотых петлях с надписью «Академия танца Амелии Брант».

Райдер повернул разболтанную ручку и сделал шаг внутрь. В лицо бросился удушающий жар. Ослабив узел галстука, он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и мысленно пообещал придушить Сэм.

Помещение выглядело бы необитаемым, если бы не какой-то странный, незнакомый запах и не соответствовавший ему чувственный ритм знакомой песни в стиле ритм-н-блюз.

Глаза Райдера обследовали пространство, привычно измеряя площадь пола, высоту потолка, кубометры бетона, количество кирпича, стоимость остекления. Высокая стена с арочными окнами, выходящими на улицу, видимо, сохранилась со времени постройки дома и выглядела наиболее прилично. Сверху свисали промышленные вентиляторы. Ни один не рабо-

тал. Ряд старинных стеклянных бра проливали озерца золота на повторяющие форму окон серебристые пятна лунного света на истертом деревянном полу.

Ближайшую к нему стену закрывали изъеденные пятнами зеркала, а справа перед свисавшими от потолка до пола занавесями, от которых у него засвербило в носу, расположились старое пианино и несколько печального вида школьных шкафчиков. На полу небрежной грудой лежали полдюжины хула-хупов. Книжные полки были завалены музыкальными записями и неровными стопками нот. И наконец, обитая розовым бархатом кушетка, на которой вполне могла расположиться женщина, чтобы позировать какому-нибудь счастливицу художнику.

Райдер сделал еще один шаг. Под тяжестью его веса старый скрипучий пол застонал.

Музыка прекратилась, и в следующую секунду из-за занавесей раздался женский голос: – Мистер Фицджеральд?

Он повернулся на звук, и его предсказание обратилось в прах. Вместо гранд-дамы, давно пережившей свои лучшие годы, перед ним возникла Шахерезада.

Темные густые длинные волосы, еще более темные, искусно подведенные глаза. Кожа настолько бледная, что казалась пропитанной лунным светом. Коричневый топ, завязанный на талии узлом, приоткрывал упругий живот. Юбка длиной до лодыжек, собравшая в себе все цвета мира, завораживающе колыбалась при ходьбе. Ноги были босыми.

Райдер приосанился, расправил плечи и сказал:

– Я так понимаю, вы и есть та самая женщина, которая должна превратить меня в Патрика Суэйзи?

Она моргнула, улыбка слегка тронула краешек ее влажных губ, прежде чем исчезнуть, как ни бывало.

– Надя Кент, – сказала женщина, протягивая ему руку.

Райдер взял ее. Рука была нежной, теплой и на удивление сильной. И такой поразительной прозрачности, что он видел под кожей вены. Внезапно по всему его телу от той точки, где соприкоснулись их руки, прокатилась горячая волна, как будто его ударило током. Женщина убрала руку, и ощущение бесследно исчезло.

– Вы пришли слишком рано, – произнесла она недовольным тоном с легким американским акцентом и проплыла мимо.

Райдер ощутил пряный аромат и невольно удивился, как столь экзотичная женщина, могла оказаться в этом богом забытом закоулке мироздания.

– Я думал, это хорошо, учитывая поздний час.

– Кто вам сказал? – И, не дожидаясь ответа, присела на розовую кушетку. Длинные темные пряди рассыпались по ее плечам беспорядочными волнами. Одним взмахом она приподняла юбку до колен, показав гладкие мускулистые икры, вытащила из-под кушетки пару бежевых туфель на небольшом каблуке и сунула в них ноги. Потом, не поднимая глаз, сказала: – Похоже, вам жарко.

– Да, и что? – Его инстинктивный ответ эхом разнесся по комнате.

Женщина ничем не подала виду, что слышала его, только ее пальцы, застегивавшие пряжку на туфле, на мгновение замерли. Затем ее руки скользнули вверх к икрам, чтобы опустить юбку.

Неужели он заигрывает с ней? Конечно да. Эта женщина была... какой-то особенной. Она *завораживала*.

Не удостоив его ни единым взглядом, она встала, сунула за пояс маленький пульт и, постукивая по полу каблуками, направилась к нему.

– На вашем месте, мистер Фицджеральд, я бы сняла пиджак. Здесь жарко, а когда мы начнем двигаться, станет еще жарче. Мне совсем не улыбается ловить вас, если вы упадете в обморок.

Райдер не воспринял эту мысль всерьез, но на какой-то миг ему показалось, что он увидел в ее глазах победный блеск.

Тем не менее, воспользовавшись ее предостережением, он сбросил с плеч пиджак и, не найдя ничего лучше, повесил его на спинку обитого бархатом стула. Дырки от моли. Класс. Райдер снял галстук и определил его туда же. Затем избавился от запонок и закатал до локтей рукава рубашки. Эти действия подходили скорее для спальни, чем для танцпола. А ее пристальный взгляд, следивший за ним, только усиливал впечатление.

Женщина без видимого сожаления отвела от него глаза, убрала волосы назад, завязав их в низкий хвост, и, подняв подбородок, щелкнула каблуками. Шахерезада исчезла. На ее месте стояла инструктор по танцам.

Тогда-то Райдер и вспомнил, зачем он здесь, и начал потеть по-настоящему.

– Нельзя ли закончить все как-нибудь побыстрее? – спросил он, вспомнив кипу архитектурных планов, громоздившихся на полках вокруг его чертежного стола. Остальные ждали его в памяти новейших компьютеров, стоявших в городских офисах его фирмы. Его собственные проекты и проекты, разработанные его командой. И дело не в том, что он, подобно отцу, не мог сосредоточиться на чем-то одном. Просто Райдер любил работать. Он предпочел бы заниматься этим всю ночь напролет, а не тратить час на обучение всяким глупостям.

Надя Кент провела ладонями по своим стройным ногам, опустив юбку еще чуть ниже. Американское произношение добавило певучести ее голосу, когда она сказала:

– Мистер Фицджеральд, у вас есть еще какие-то дела по вторникам в десять вечера?

– Да, у меня есть другие дела, которыми я мог бы заняться.

– И это не потому, что вы побаиваетесь ходить на уроки танцев?

Райдер прищурил глаза, но улыбнулся:

– Что вам сказать? Я пользуюсь спросом.

– Поверю вам на слово. А сейчас, – сказала она, хлопнув в ладоши. – Где у вас бедра?

– Простите?

– Ваши бедра, которые должны танцевать. Надеюсь, Сэм вам рассказывала. Если мы намереемся добиться того, чтобы вы выглядели приемлемо, вы должны обрести свободу движений, которую дают бедра.

Райдер решил, что она шутит.

– Мисс Кент, неужели я похож на человека, который приблизился бы к этому месту меньше чем на шесть миль, если бы знал, что здесь потребуются бедра?

Так или иначе, но теперь мяч был на ее стороне, и тем не менее, когда эти знойные черные глаза медленно окинули его взглядом, задержавшись на верхней пуговице его крахмальной белой рубашки, на блестящей пряжке его ремня, на идеально отглаженных брюках, у Райдера начало сводить низ живота. А когда, вместо ответа, губы Нади, крупные, нежные и чувственные, как и вся она, расплылись в ленивой улыбке, его внутренности сжались в тугой комок.

– Значит, так вы обходитесь с клиентами, которые являются слишком рано, мисс Кент? Хотел бы я посмотреть, как достается тем, кто опаздывает.

– Нет, – ответила она, – вы этого не увидите.

Она достала пульт, резко взмахнула им и нажала на кнопку. Помещение наполнили звуки фортепиано, разносившиеся из спрятанных где-то динамиков. К ним присоединился хриловатый женский голос.

– А теперь, мистер Фицджеральд, раз уж вы платите мне дополнительно, чтобы я занималась с вами в такое время, давайте сделаем так, чтобы ваши деньги не пропали даром.

– Есть и другой вариант.

Есть, подумал он, когда в глубине ее глаз мелькнула вспышка предвкушения. Она тут же исчезла, но теперь Райдер знал, что не он один испытывает это... ощущение... Влечение? Определенно что-то...

– Что вы скажете, если я заплачу вам за полный курс обучения, но мы ограничимся одним днем? И Сэм совсем не обязательно об этом знать.

– Отлично. Меня устраивает. Но что мы скажем Сэм, когда, добравшись до танцпола в день ее свадьбы, вы на глазах у всех отдадите ей ноги?

На какой-то краткий миг Райдер подумал, что эта женщина вполне могла оказаться ведьмой.

Надя изящным полукругом подняла перед собой руки, предлагая ему сделать то же самое. Но когда в ответ он едва шевельнул бровью, она выругалась – и весьма сочно – и, сделав в его сторону последние несколько шагов, взяла его руки и с усилием, от которого напрягся ее живот, подняла их, сложив в требуемую позицию.

С такого близкого расстояния Райдер уловил в ее темных волосах красноватый отлив, а на переносице несколько крохотных веснушек. Потом его мысли иссякли, поскольку Надя пролезла в полукруг, образованный его руками, и положила его правую руку себе на бедро. Его ладонь почувствовала ткань, пальцы ощутили тело. Гладкое тело, горячее тело. Ее тело.

Ее правая рука скользнула в его левую руку, и весь жар этой ночи завис между ними.

– Надя.

– Да, Райдер, – ответила она, подражая его серьезному тону.

– Я не могу так сразу.

От резкой белизны зубов, сверкнувшей в ее улыбке, по коже Райдера побежали мурашки.

– Все будет просто, – сказала она. – Обещаю. Вы должны просто довериться мне. Вы доверяете мне, Райдер?

– Ни на йоту.

Улыбка превратилась в усмешку, а потом она провела языком по краю своих верхних зубов.

Может, она была и не ведьма, но определенно садистка.

– Надя...

– Ради всего святого! Что еще? Один последний вопрос. *Один*. А потом вы заткнетесь и начнете танцевать.

Великолепная, безжалостная и властная до мозга костей. Отчаянное сочетание. И как оказалось, убийственно сексуальное. Именно поэтому, только когда Райдер убедился, что недовольный взгляд ее черных глаз устремлен прямо на него, он спросил:

– Кто, черт возьми, такой этот Патрик Суэйзи?

В ответ на это Надя расхохоталась, запрокинув назад голову. Ее бедра соприкоснулись с его, поднимая в нем волну похоти. *Боже правый!*

Ее рука твердо уперлась ему в грудь.

– Давайте не будем замахиваться так высоко, торопыжка. Моя цель довести вас до такого состояния, чтобы вы смогли покружиться на паркете минуты три и не расстроить невесту. Идет?

От ее запаха у Райдера застучала кровь в жилах. Ее близость, ее бедра, прижимавшиеся к нему, ее рука у него на сердце... У него так пересохло во рту, что он едва смог проскрипеть.

– С чего начнем?

– С того, с чего начинали все выдающиеся танцевальные дуэты, – сначала.

Когда большое помещение снова наполнилось музыкой, Надя велела ему слушать ритм. Покачиваться в такт. Освободить бедра, чтобы они вели его.

Райдер стиснул зубы, пожелав, чтобы Сэм никогда не рождалась. Это помогло секунд на пять, прежде чем он мысленно осадил себя. Несмотря на то что этот ребенок стал единственным источником хаоса в его полностью упорядоченной жизни, она была лучшим, что он когда-либо имел.

Ему едва исполнилось одиннадцать лет, когда он потерял мать, а отец женился повторно, и его новая жена уже ждала ребенка. Даже будучи подростком, Райдер понимал, что это значит, а именно, что Фиц изменял его матери – женщине такой силы, с таким сердцем, с такой душой. Хуже всего, что она наверняка тоже знала это, когда была больна и понимала, что умирает.

Почувствовав, как в груди, словно ядовитая змея, поднимается знакомое чувство отвращения, Райдер поспешил затолкать воспоминание в тот удаленный темный склеп в своем сознании, где оно таилось. Он мысленно перенесся в тот день, когда родилась Сэм. С самого первого раза, когда он заглянул в большие серые глаза своей сестренки, все изменилось. Он поклялся, что никогда не даст ей упасть. Даже в том юном возрасте Райдер понимал, что на ее отца – *его* отца – нельзя положиться. Что ради того, чтобы двигаться дальше, он не задумываясь переступит через нее.

И все же, даже имея такой пример в качестве родителя, этот нежный, беспомощный ребенок вырос и теперь собирался выйти замуж. *Замуж...*

– Сосредоточьтесь!

Райдер поморщился, когда Надя ущипнула его за тонкую кожу между большим и указательным пальцами. Он сердито уставился на нее. Она ответила тем же. Для женщины, которую он ощущал, как пушинку в руках, ее силе можно было позавидовать.

– Надя, по правде сказать, это мне совсем не нужно. Покажите мне, как не моргнув глазом войти в пучину Голливуда и выйти из нее, и все.

– Во-первых, – сказала она, – мисс Надя. Таковы танцевальные правила. А во-вторых, чем скорее вы прекратите брюзжать и думать о потраченном времени, тем скорее оно пройдет. Вот вам крест. – Когда она перекрестилась, ее топ натянулся на груди, приоткрыв ключицу и светлую кожу с выступившей на ней испариной.

– Да, мисс Надя.

Судя по ее тихому смешку, она осталась довольна.

– Это не так трудно, верно?

– Вы себе даже не представляете.

Она прикоснулась к нему, или он только вообразил себе это. Так или иначе, но Райдер испытал внезапное возбуждение. Это мало сказать.

И поздний час никак не влиял на это. Ему казалось, что Надины руки преследуют его везде. Они спускались, когда ей хотелось возбудить его. Они медленно скользили по его рукам, когда ей хотелось поднять их в нужное положение. Они ложились к нему на плечи, когда она прижималась сзади коленями к его ногам, чтобы заставить его двигаться в такт.

Это был кошмар.

И не только потому, что он не привык получать такие немногословные указания. Хотя и не без этого. Уже несколько лет, возглавляя свою многомиллионную архитектурную фирму, он сам распоряжался всем.

А еще надо было как-то бороться с внезапными волнами пьянящего аромата от ее темных волос. С соблазном этой гладкой серебристой полоски кожи над юбкой. И с этими обольстительными, как арабские ночи, глазами, зовущими в танце куда-то дальше в темные пределы страсти. И эта понимающая улыбка, пробегающая по ее влажным губам, перед тем как она начинала отсчитывать ритм, как будто ему было три года.

Когда она наконец выключила музыку, Райдер спросил:

– Мы закончили?

– На сегодня – да.

Потом, как будто не было этого часа, который они провели так близко друг к другу, как только могут мужчина и женщина, не связанные законными узами, Надя просто отошла в сторону.

Усевшись на розовую кушетку, она сняла ленту, тряхнула волосами и прошлась по ним руками, пока они не превратились в копну спутанных кудрей. Она, наверное, почувствовала, что Райдер за ней наблюдает, потому что, запахнув полы кардигана и обмотав вокруг шеи длинный серебристый шарф, обернулась.

– В следующий раз наденьте свободные брюки и футболку и принесите с собой что-нибудь теплое на потом. Даже в эту сумасшедшую жару после такой работы ваше тело очень сильно остынет.

Райдер не стал давать никаких обещаний. Он подумал, что охладиться, как можно быстрее, – это как раз то, что нужно.

– Я провожу вас.

Ее брови спрятались под волной волос.

– В этом нет необходимости. Обойдусь сама. Я дитя бедных кварталов.

Ричмонд едва ли можно было назвать бедным, но Райдер рос рядом с младшей сестрой, так и норовившей выпасть из окна своей спальни, и инстинкт защитника глубоко укоренился в нем.

– Сейчас одиннадцать часов вечера. Я вас провожу.

Надя окинула его оценивающим взглядом цыганских глаз и, пожав плечами, с улыбкой сказала:

– Мужчина сказал – мужчина сделал.

– И это тоже.

Он подхватил свой пиджак и галстук и, чтобы не помять их, повесил себе на руку. Она заметила это, но ничего не сказала, очевидно считая, что ее время давать указания закончилось.

Подойдя к старинному щитку, Надя выключила свет, и на полу остались только пятна лунного света, проникавшего через арочные окна. Взгляд Райдера снова упал на потолок с пятнами от протечек, на покрытые пылью бра, на промышленные вентиляторы и, наконец, на совершенно фантастический перекрестный рисунок потолочных балок, чтобы воспроизвести который некоторые люди заплатили бы сколько угодно.

Надя, кашлянув, показала ему на дверь, а потом, прижав бедром и стукнув по ней, закрыла на ключ.

Райдер пошел за ней по лестнице. Холодный свет зеленых ламп отбрасывал болезненные тени на отклеившиеся обои. Однако, если смотреть сверху вниз, лестница, огибавшая лифтовую шахту, оказывалась прекрасно спроектированной. Если бы лифт работал...

Какая разница, подумал он с легким раздражением. Это здание наверняка уже приговорено.

Тем не менее Райдеру не требовалось заключение психолога, чтобы объяснить, почему это здание сохраняло для него свое очарование. Оно относилось к категории тех, которые обожала его обладавшая художественной натурой мать. Ее связь с миром выражалась в замечательных скульптурах, которые она делала из забытых, выброшенных и потерянных вещей. Ее связь с сыном выражалась в его понимании того, что, следуя велению своего сердца, обретишь лишь сердечную боль.

Отмахнувшись от воспоминаний, Райдер обратил взгляд к выходу.

– Вы придете на следующей неделе? – спросила Надя, когда они вышли за дверь.

– Боюсь, что да, – ответил Райдер, повернувшись к ней.

Она стояла, покачиваясь с ноги на ногу, как будто двигалась в ритме одной ей слышной мелодии, что производило какое-то чувственное гипнотическое впечатление. Потом, поднявшись на носки так, что ее лицо оказалось на одном уровне с ним, произнесла:

– А Сэм действительно крутит вами своим маленьким пальчиком, верно? Она и раньше мне нравилась, а теперь я испытываю особое уважение к этой девушке.

Райдер фыркнул и засмеялся.

Потом, когда Надя прошла мимо него, легко спрыгивая со ступенек, он сунул руки в карманы брюк, чтобы не сделать чего-нибудь опрометчивого. Например, скользнуть рукой по ее горячим бедрам и прижать ее к себе. Или утопить пальцы в этих безумных кудрях. Или поцеловать мягкие губы.

Райдер быстро взял себя в руки.

Какой бы притягательной она ни была, единственной его целью на ближайшие недели было дожить до свадьбы Сэм, не поддавшись искушению спрятать ее в высокой башне, где ни один мужчина не сможет причинить ей боль. Чему никак не могло способствовать, если бы он позволил этой лукавой и своенравной учительнице танцев, уже успевшей подружиться с сестрой, заморочить себе голову.

Поэтому, вместо того чтобы утонуть в ее темных глазах, влажных губах, во всей ее томной чувственности, Райдер поднял взгляд вверх на фасад здания:

– Вы не знаете, кто владелец этого здания?

– А что? – в ответ спросила она.

– Это касается потолочных балок, – ответил Райдер, а когда опустил глаза, обнаружил, что Надя ушла далеко вперед.

– Меня спрашивать бесполезно, – бросила она через плечо. – Я просто здесь работаю.

Райдер следил за ней, пока она не растворилась в темноте, оставив его наедине с машиной и быстро остывавшим на ночном воздухе телом.

* * *

Надя упала на кровать за несколько минут до двенадцати. Буквально. Она просто рухнула, не раздеваясь, лицом вниз на нерасстеленную постель.

И тут же темнота перед глазами обернулась чистым холстом, на котором начали свою игру воспоминания.

Она снова слышала скрип лестницы, пробивающийся сквозь мелодию, под которую она танцевала. Чувствовала, как у нее закружилась голова от неожиданности, как прервалось дыхание, как она покрылась потом и ей стало не по себе. Снова ощутив твердую почву под ногами, Надя смыла с себя косметику, испарину и мужской пот. И, как говорила ее строгая бабушка, вышла из-за кулис.

Ожидая увидеть мужскую версию Сэм, которая была высокой, широко улыбающейся, симпатичной, но неуклюжей и несколько бестолковой, она глубоко ошибалась.

Райдер Фицджеральд был высок, но на этом сходство заканчивалось. Сказать, что он красив, значило ничего не сказать. Он просто сражал наповал. В деловом костюме, белоснежной рубашке, с безупречно лежащими волосами, в красивых, идеально чистых туфлях он выглядел большим и лощеным и, как оказалось, обладал острым как бритва умом. И венчала все это неумолимое совершенство едва заметная аура животной сексуальности, как будто за этим парнем тянулся шлейф тестостерона.

Когда Надя снова спряталась за занавесью, у нее тряслись руки. Они тряслись! Она не могла глубоко вдохнуть. Кровь грозила пробить стенки сосудов. В голове вертелась единственная мысль: «О нет!»

Теперь, с юмором оглядываясь назад, Надя не могла винить себя. Прошло уже около года с тех пор, как она в конце концов порвала со своим бывшим. И, честно говоря, такую острую, чувственную реакцию ни один мужчина не вызывал у нее так долго. Для женщины, вся жизнь которой состояла в познании собственного тела и служении собственному телу, тот факт, что оно превратилось в нечто почти бесчувственное, был почти противоестественным.

Доходило до того, что в моменты сомнений Надя начинала думать, что за два года отношений они угробили нечто большее, чем они сами. Не говоря уже о ее растоптанном самолюбии и погубленной карьере.

Но нет, она же Кент, а женщины из рода Кентов не привыкли плакать ни над разбитой любовью, ни над сломанными костями, если случалось такое. Они выкарабкивались. И Надя справилась с этим блестяще.

И теперь, когда она это сделала, когда стала танцевать лучше, чем когда-либо, когда оставалось всего несколько недель до того, чтобы попробовать вернуть все то, что она оставила, именно *теперь* в ней снова вспыхнул прежний огонь?

Надя со стоном перевернулась на спину и крепко прижала к груди подушку. Не помогло. Даже с широко открытыми глазами она до сих пор *чувствовала*, как под белой рубашкой этого мужчины ходуном ходили мышцы, крепкие и на удивление сильные. Тот жар, который шел от него. Стоило лишь ей прикоснуться к нему, и она ощущала под кожей его пульсации. И весь этот час тот же жар беспрестанно пульсировал в ее теле.

Перестань, слышался ей голос матери.

Матери, которая бросила на Надю один-единственный взгляд, когда та неожиданно появилась у нее на пороге с чемоданчиком и грустной историей... и улыбнулась. Не потому, что она была рада видеть свое единственное чадо. О нет. Балетная карьера Клаудии Кент рухнула из-за мужчины, и теперь, когда она видела, что продукт ее ошибки оказался в той же печальной ситуации, она смотрела на это как на посланное свыше кармическое воздаяние.

Надя крепче стиснула подушку, чтобы унять неприятное ощущение.

Ее мать была напрочь лишена генов материнства, но благодаря этому Надя рано научилась справляться с последствиями отказов, что оказалось настоящим даром для свободной танцовщицы. Невозможно быть танцовщицей и при этом быть слишком разборчивой. Это тяжелое, богом проклятое занятие. Как сказала однажды Этель Бэрримор, для того, чтобы стать успешной актрисой, женщина должна обладать лицом Венеры, умом Минервы, грацией Терпсихоры и быть толстокожей, как носорог. Танцовщицам требовалось иметь все это *плюс* способность делать шпагат на бильярдном кие.

Надя обладала всем этим и даже больше. И все же, если в ближайшие несколько недель ей не удастся использовать свой мимолетный шанс и вернуться к прежней жизни, она сможет довольствоваться лишь сознанием того, что совершила ту же ошибку, что и ее мать.

Впрочем, она, по крайней мере, не забеременела.

Под влиянием этих мыслей Надя дотянулась до ночного столика и взяла ноутбук. За несколько минут ей удалось выбросить из головы все посторонние размышления и набросать эскизы тех движений, которые она добавила в свой номер за день до появления Райдера Фицджеральда.

Когда ей было двадцать, она жила за счет природного таланта, дерзости и, возможно даже, имени своей матери. Но стоило на один год уйти со сцены, и момент был упущен. Каждый день появлялись более молодые, рвущиеся вперед танцоры, готовые занять ее место. Единственное, чего не знали эти маленькие голодные танцоры, – то, что теперь Надя не уступит. И ей *действительно* есть чем доказать это.

Закрыв ноутбук, она снова шлепнулась на кровать. Раз уж завтра занятия начинаются в два, у нее будет время, чтобы самой сходить на пару уроков. Может быть, на урок современного танца в Саут-Ярра или в тот недавно переделанный из склада зал в Ноттинг-Хилл. В любом случае она не будет сидеть здесь. Потому что Надя Кент снова в игре.

Несмотря на поздний час, всплески адреналина все еще будоражили ее, поэтому она схватила пульт от телевизора и прокрутила список фильмов на жестком диске, пока не нашла то, что искала.

Из полудохлых динамиков подержанного телевизора послышалась мелодия «Будь моим», и на экране начали извиваться зернистые черно-белые танцоры. Когда появилось набранное розовым шрифтом имя Патрика Суэйзи, Надя подоткнула под себя одеяло и вздохнула.

Да, все снова было по-прежнему. И так будет до тех пор, пока она не совершит какую-нибудь глупость. *Опять.*

Засыпая, Надя уже не могла с точностью сказать, чей голос она слышит: голос матери или свой собственный.

Глава 2

– Ну и как? Тебе понравилось? Ты рад, что я заставила тебя пойти?

Райдер крепче прижал телефон к уху, чтобы лучше слышать Сэм, и заткнул пальцем другое, стараясь отгородиться от шума строительной площадки.

– Это было... – *Мучительно. Жарко. На грани экстрима.* Он надвинул на лоб защитный шлем. – Все прошло замечательно.

– Я же говорила. А какая классная студия? А потолки. Я знала, что потолки тебе понравятся.

К чему тут лукавить! Потолочные балки действительно выглядели потрясающе. Старая школа. Та самая, ради освоения которой его периодически подмывало продать душу. Райдер оглянулся на окружавшие его современные металлические штыри и холодные бетонные плиты, основание того, что через несколько месяцев станет серебристым сверкающим небоскребом.

Прораб помахал ему фонарем в знак того, что люди, с которыми он должен встретиться, наконец прибыли. Райдер кивнул в ответ и поднял вверх один палец, показывая, что будет через минуту.

– Она была танцовщицей, – говорила Сэм. – Самой настоящей. В шоу «Скай Хай».

С трудом представляя себе страстную Надю Кент в розовой пачке, Райдер спросил:

– Разве Надя балерина?

Пауза.

– Не-е-т. Я же тебе говорю, «Скай Хай».

– Сэм, ради бога, обращай ко мне как к австралийцу мужского пола, говорящему на примитивном английском.

– Чувак, тебе надо почаще куда-нибудь ходить. «Скай Хай» – это что-то обалденное. Фантастические танцы. Это бурлеск вперемешку с «Берн зе Флор» и «Цирк дю Солей». Совершенно невероятные спецэффекты и суперталантливые танцоры. Они выступают в Лас-Вегасе!

Райдер все больше сосредотачивался, пока не отключился от всего, кроме голоса сестры.

– Сэм, ты хочешь сказать, что наняла *шоугёрлз*, чтобы обучать танцам тех, кто придет к тебе на свадьбу?

– Да успокойся ты. Она же не стриптизерша.

И все же представить себе Надю на высоких каблуках, в сетке и павлиньих перьях было совсем не сложно. Ее светлая кожа, мерцающая в полумраке, растрепанные кудри, ниспадающие по голой спине, эти тонкие ласкающие руки... Он прижал к виску большой палец.

– Она такая грациозная, гибкая, – продолжала Сэм, не имея понятия о его внутренней борьбе. – Когда мы пришли в прошлый раз, она разогревалась. Она может так высоко поднять перед собой прямую ногу, что касается ею собственного носа!

Райдер резко раскрыл глаза, подыскивая способ, как можно быстрее прекратить этот разговор.

– Ладно, хватит, – сказал он так громко, что на него обернулось несколько человек. Кое-кто из его рабочих засмеялся, прежде чем снова вернуться к своим делам. Сделав паузу, Райдер произнес: – Она тебе нравится. Вот и прекрасно. Я беру уроки, как ты хотела. И хватит об этом.

Сэм, возможно, не поняла смысла его молчания, но он точно знал, о чем она думала. Понизив голос на октаву, она сказала:

– Знаешь, а у нее никого нет.

– Мне надо идти! – рявкнул Райдер. – Прораб так активно показывает пальцем на часы, что вот-вот его сломает.

С этими словами он отключил телефон и уставился на него с таким видом, будто никак не мог вспомнить, в какой карман его надо положить.

Никаких сомнений в том, что происходит, не могло быть. Этот ребенок пытался его пристроить. Все пошло совсем не так, как надо.

Для Сэм он был нерушимой скалой. Краеугольным камнем ее мироздания. Именно поэтому он так тщательно разделял свою личную жизнь и свою жизнь с ней. И все ради того, чтобы у нее не сложилось впечатления, будто все мужчины себялюбивые животные, как их отец.

Проклятье! Времена менялись, быстрее, чем ему хотелось. Так, что он уже не поспевал. Чтобы вернуться к реальности, Райдер посмотрел вверх на окружавшие его грязные бетонные стены и представил себе, что в один прекрасный день все это станет сверкающей высоткой, фантастическим произведением искусства, пронзающим небо над Мельбурном. Проектом, к которому он шел больше десяти лет.

Нельзя сказать, что Райдер всегда стремился создавать здания, уходящие в небо. В первый год своей стажировки он провел потрясающее лето на берегу моря в Сорренто со специалистом по реставрации по имени Том Кемпбелл, который занимался тем, что возвращал большим зданиям Апеннин их былое величие. Работа была тяжелой, изматывающей, но пьянящий запах природных материалов заставлял его с небывалой силой грезить о матери с ее скульптурами из брошенных вещей, чего с ним не случалось с самого детства.

Пока однажды не появился его отец, прогуливающийся с хозяином дома, над которым в это время работал Кемпбелл. Фиц даже не пытался сделать вид, что это случайность. Презрительная улыбка не сходила с его лица, если он замечал Райдера с молотком в руке.

– Никаких амбиций, – буркнул он своему приятелю, не удосужившись даже поздороваться с сыном, которого не видел два года. – Этот малый всегда был лопухом. Идеалист. Мать художница, чего же еще ждать?

Будь они прокляты эти балки, снова всколыхнувшие все это! Потому что, независимо от того, как он к этому пришел, та работа, которой теперь занимался Райдер, была для него важна и жизненно необходима. Но как быть с женщиной, которая всколыхнула другие стороны его натуры?

Нет, не важно, какие изменения поджидают его в жизни, никто не собьет его с намеченного пути. А значит, он должен быть осторожным, как никогда.

Сосредоточившись на этой аксиоме, Райдер отправился на поиски менеджера проекта, прораба, главного инженера, члена совета и представителя профсоюза, а также радостной группы клиентов, упрямо надеясь, что эта задача ему по зубам.

* * *

Долгий день близился к концу. Все утро она провела в классе «Тини Тотс». После ланча была акробатика для взрослых, вечером – сальса для среднего уровня. Неудивительно, что Надя с радостью восприняла возможность передохнуть.

Она села у окна студии, машинально перебирая пальцами тяжелый хулахуп. По оконному стеклу струился дождь, отчего темная улица напоминала кадр из старого французского фильма.

Ливень, не прекращавшийся весь день, несколько не облегчил мучительную жару. Одежда Нади прилипла к телу, на спине выступила испарина, кудри приклеились к шее.

Вот только суставам это не сильно помогало. Она растянула лодыжку, и та уже начала напоминать о себе, пока Надя работала в тренажерном зале. Временами возникали боли, то от жары, то от холода, то просто сами по себе. Так же вели себя колени, запястья и бедра. Не сказать, чтобы это ее останавливало. Ее мать прославилась высказыванием: «Если танцор приходит домой не хромая, значит, он недостаточно хорошо поработал».

Но не тело сбивало ее с толку, отвлекая от танца, что было бы гораздо хуже, если не сказать трагичнее. Однажды она уже была свидетелем того, как блестящий молодой танцор сошел со сцены из-за перегрузок.

Оглядываясь назад, Надя жалела, что воспринимала многие вещи неправильно. После того как она выяснила, что ее партнер и бойфренд бросил ее, подцепив другую танцовщицу из их шоу, и привел ее к себе в квартиру, одним ударом лишив Надю работы, парня и дома, она повела себя как ни в чем не бывало и просто ушла. Разве что стукнула его в самое чувствительное место. Но что бы она ни испытывала: потрясение, шок, просто бессилие физическое и психологическое, – она ушла.

Единственное, что она сделала *правильно*, – это то, что поехала прямо к матери. Она сказала, что Надя должна пересилить себя и вернуться к работе, и это было *именно* то, что нужно.

Надя начала работать над другой лодыжкой и застонала наполовину от боли, наполовину от наслаждения. Она снова танцует. А значит, приближается к осуществлению мечты всей своей жизни.

Однако сейчас, прежде чем она сможет охладиться, ей предстоял еще один урок – дуэт с Райдером Фицджеральдом. Надя оценивала вероятность того, что он придет, как пятьдесят на пятьдесят.

Наконец, за минуту до начала урока, из-за угла появилась его обтекаемая черная машина. Надя сквозь дождь увидела, как она аккуратно остановилась ровно в одном футе от двери. Райдер вышел из машины, как в прошлый раз, облаченный в деловой костюм. Он полностью проигнорировал ее совет.

Райдер посмотрел вверх.

Надя поспешила спрятаться в тени. Меньше всего ей хотелось, чтобы мистер Тестостерон подумал, что она ждала его, затаив дыхание и дрожа от нетерпения. Со вздохом соскользнув с подоконника, она пошла к двери, прокрутила хулахуп в одну сторону, потом в другую, подцепила его одним пальцем и подбросила в воздух, а затем, сделав простой пируэт, снова поймала.

Потом ленивым движением она бросила его на пол в общую кучу, достала из-за спинки бархатной розовой кушетки туфли на каблуке и длинную черную юбку и надела ее так, чтобы скрыть облегающее сетчатое трико и принять более подходящий для предстоящих занятий вид. Ей не хотелось, чтобы у этого типа сложилось неверное впечатление.

Хотя... Он был первым за долгое время, на кого ей хотелось бы произвести неверное впечатление...

– Черт! – воскликнула она, тряхнув головой, стараясь избавиться от пугающего желания, стучавшего в ее венах. Идти по этому пути означало бы играть с огнем. Вся ее карьера зависела от того, что она сделает в следующие два месяца, и она не желала рисковать.

Сделав глубокий вдох, Надя выпрямилась, отвела плечи назад и поставила ноги в первую позицию. Она быстро провела рукой по конскому хвосту и изобразила на лице ничего не значащую улыбку. Дверь со скрипом открылась, и мужчина вошел в студию.

– Неужели это мистер Фицджеральд? Я заключила сама с собой пари, что вы не придете. Похоже, я выиграла.

Он поднял глаза вверх. Его кожа блестела, мокрые волосы стали черными, как ночь, а дождь и жара лишь усиливали впечатление.

Надя сглотнула и сказала:

– Мы чуточку намокли, да?

Он по-собачьи тряхнул мокрыми волосами, отчего брызги полетели во все стороны.

– Это Мельбурн. Тропики.

Надя обошла его кругом, старательно избегая мокрых мест на полу, взяла полотенце из шкафа возле входной двери. Потом повернулась и повесила его на согнутый палец.

Райдер криво усмехнулся. Он сделал три шага вперед и, взяв полотенце, по-мужски грубо и небрежно вытер им лицо и голову. Когда он с закрытыми глазами повесил полотенце себе на шею и поднял голову, Надя сложила руки перед собой и ущипнула нежную кожу у основания большого пальца, чтобы не застонать.

Должно быть, она все же издала какой-то звук, потому что Райдер перестал тереть шею и посмотрел на нее. По сравнению с белым полотенцем его светло-карие глаза казались темными. Глаза, которые все понимали. Жгучие и упорные. Он нарочито медленно протянул вперед полотенце, показывая, что на этот раз *она* должна подойти к нему.

Приподняв бровь, Надя подошла ровно настолько, чтобы смахнуть полотенце с руки Райдера, и тут же ощутила его острый горячий запах. Уронив полотенце на пол, она принялась тщательно тереть пол.

Райдер негромко рассмеялся, словно точно знал, что творится у нее в голове.

Надя винила во всем дождь. Дождь сводил людей с ума. Этим утром на последнем уроке в «Тини Тотс» все дети буквально взбесились, раскачиваясь на турниках, как стая обезьян.

Подцепив полотенце каблуком, она взяла его в руки.

– Теперь, когда все в порядке, думаю, нам надо вернуться назад.

– Куда и откуда? – спросил он своим низким голосом.

– К тому, как надо стоять, прежде чем начать двигаться. Сегодня мы поработаем над вашей осанкой.

– А что в ней плохого?

Абсолютно ничего.

– Это процесс, Райдер. Путешествие, в которое мы отправляемся вдвоем. Путешествие, в котором я делюсь с вами своими премудростями, а вы делаете то, что вам говорят.

– И что конкретно вы хотите, чтобы я сделал?

Надя посмотрела на него: руки в карманах, ноги вместе, пиджак дает свободу движений не многим больше смиренной рубашки. И прежде чем она успела себя остановить, у нее вырвалось:

– Раздеться.

Ответ последовал со скоростью молнии:

– Только после вас.

Она постаралась скрыть свою реакцию.

– В отличие от вас, я одета соответственно. Разве вы не видите мою спину, ровную постановку бедер, подтянутый живот?

Глаза Райдера заскользили по ее шее, ключицам, груди, ребрам и животу, не задерживаясь на каком-то определенном месте, отчего напряжение только усиливалось.

«Подсчитывает плюсы и минусы», – с сожалением подумала она и, положив руки на бедра, стала ждать, когда он снова посмотрит ей в глаза.

– Снимите пиджак, мистер Фицджеральд. И галстук. И рубашку тоже, если у вас хватит пороку. Мне просто надо понять, откуда идет ваша скованность.

Глядя Наде прямо в глаза, Райдер снял пиджак и галстук. Затем он вытащил рубашку из брюк, стянул ее с плеч и аккуратно положил на кушетку рядом с остальной одеждой. Когда он это сделал, Надя обнаружила, что майки на нем нет. А когда она снова посмотрела ему в лицо, то увидела вызов в его глазах.

– Вы этого добивались? – спросил Райдер. Он упер руки в бока, отчего вздулись бицепсы.

Надя только кивнула и торопливо направилась в угол, чтобы бросить грязное полотенце в пластиковый бак. Опершись на него рукой, она попыталась успокоить колотящееся сердце.

Мужчины в ее мире отличались стройностью. На их поджарых телах не было ни грамма жира. Их лица выглядели почти изможденными, а все остальное покрывали плоские мышцы, в отчаянии липшие к костям.

Райдер Фицджеральд с его широченными плечами, большими, перекатывающимися под кожей мускулами, грудью, покрытой темной курчавой порослью, и рельефным животом казался существом совершенно иного рода. В нем все было крупнее. Сильнее. Здоровее. Каждый дюйм его тела дышал отменным здоровьем.

В самой глубине ее существа раздался мощный первобытный зов.

Надя оглянулась, чтобы удостовериться, что он реален, и обнаружила, что он даже не смотрит на нее. В то время как она была охвачена мощнейшей волной желания, он разглядывал чертовы потолочные балки!

– Отлично, – сказала она, взяв себя в руки. – Давайте займемся делом.

Райдер повернулся, в серебристых лунных отблесках и золотом свете бра его кожа сияла, особенно ярко подчеркивая холмы и долины его мускулатуры. Если бы этот мужчина действительно научился танцевать, его гонорары оставили бы Патрика Суэйзи далеко позади.

С каждым ударом каблука по старому дереву пола возбуждение Нади росло все больше и больше. Но здесь танцкласс. Для парных танцев. Не прикасаясь к нему, она только привлекала бы его внимание к своему нелепому состоянию. Она положила руку ему на плечо.

На ощупь его кожа оказалась шелковой и горячей. Искра, вспыхнувшая от ее прикосновения, обернулась живой субстанцией, разящей и подчинявшей их себе, наполнявшей просторную студию трескучей энергией, жаждавшей разрядки.

У Нади едва хватило времени осознать все это, потому что Райдер не стал дожидаться указаний. Его рука сомкнулась вокруг ее правого запястья, другая легла ей на талию. Он придвинулся совсем близко.

Ее глаза оказались на уровне ключиц Райдера, и ее окутал запах его тела – смесь дождя, жары и чего-то острого и терпкого. В смущении Надя не могла поднять на него глаза.

– А музыка? – негромко спросил он глубоким низким голосом.

Наде потребовалось полсекунды, чтобы сообразить, что она так и не включила чертов плеер. Страхнув тяжелый туман, сковавший мозг, она чуть слышно выругалась, выдернула из-за пояса трико пульт и ткнула на кнопку.

Из динамиков полился теплый и страстный голос Норы Джонс. Надя хотела было сменить музыку, но рука Райдера легла поверх ее руки.

– По-моему, эта мелодия не хуже любой другой, – сказал он. Его взгляд говорил: *Ты добила своего, и что ты теперь будешь со мной делать?*

Чего Надя точно не собиралась делать, так это объяснять ему, что эта песня звучит слишком интимно, на ее вкус, заставляя думать об утопавших в сигаретном дыму джаз-барах, ищущих руках, жарких губах, горячем теле...

Она подняла подбородок и твердо накрыла руку Райдера ладонью.

– Начнем с ног. Встаньте твердо. Так, чтобы почувствовать мышцы. Теперь освободите колени. Как будто они у вас вот-вот подогнутся, но не сгибайте их. Распрямите торс, как будто у вас из головы выходит стропа и кто-то тянет ее к потолку. Подбородок вверх, лопатки назад и вниз и...

– Дышать можно? – сдавленным голосом спросил Райдер.

В ответ на тихий смех Нади он наградил ее легкой улыбкой.

– Это на пользу.

И только когда она почувствовала всем своим существом, понимавшим танец лучше, чем саму жизнь, что они стоят так, как надо, Надя начала покачиваться. Крепко держа его руку в своей, прижав ноги к его ногам, она прислонилась бедрами к его бедрам, пока он не начал двигаться с ней в такт.

– Чувствуете? – спросила она через несколько аккордов.

– Кое-что чувствую, – пробурчал он.

– Сегодня вы уже не так зажаты, – пояснила Надя.

Райдер стиснул зубы и пробормотал что-то о том, что чем лучше он выучит шаги танца, тем меньше уроков ему придется брать.

– Неужели? – искренне удивившись, сказала Надя. – Ну хорошо.

– У меня ощущение, будто я герой фильма и вы собираетесь спросить, не соглашусь ли я стать вашим партнером на танцевальном конкурсе, – проворчал он.

Она снова засмеялась, на этот раз ей действительно стало смешно.

– Не пытайтесь прыгнуть выше головы, солнце мое. Вам за мной не успеть, как бы вы ни старались.

– Нет? – Райдер без предупреждения взял ее за руку и заставил кружиться на своей вытянутой руке.

Годы тренировок сделали свое, она остановилась, используя свой вес, и начала вращаться назад, где Райдер поймал ее, прижимая к себе, отчего у нее перехватило дыхание.

Райдер отпустил ее гораздо более нежно, чем она ожидала, и они встали нога к ноге, бедро к бедру в свободной танцевальной позе.

– Ну и как? – спросил он, передвинувшись так, что Надя оказалась чуть ближе. Достаточно близко, чтобы видеть золотые крапинки в его карих глазах.

– Над этим надо еще поработать.

– За это я вам и плачу.

Своевременное замечание. Надя отодвинулась в сторону и стала давить на кнопки пульта, пока не нашла нечто менее... Классический фокстрот, заезженный донельзя, самая несексуальная мелодия на планете.

– Встаньте ближе, сейчас мы поработаем над вашими ногами.

* * *

Час закончился быстро. От пота кожа Райдера стала блестеть еще больше, а в запахе начал сильнее чувствоваться мускус.

– О'кей, – сказала Надя, проведя рукой по влажным волосам. – Над ногами еще поработаем на следующей неделе. Скажите, есть ли у вас еще пожелания в отношении следующего занятия.

Когда Надя пошла к кушетке, чтобы собрать свои вещи, Райдер остановил ее, сжав запястье. Она обернулась, надеясь, что он не заметит, как участился ее пульс.

– Я думал, это что-то в воздухе, но это вы, верно?

– Простите?

– Этот запах. – Он наклонился к ней, проведя носом по ее волосам, и глубоко вдохнул. – Я и на прошлой неделе замечал его, но подумал, что это из окна.

Надя открыла рот, чтобы сказать... кто бы знал что. У нее сдавило горло, все тело застыло, скованное его пристальным вниманием и опьяняющим жаром мужского тела, смешавшимся с ее собственным жаром.

– О каком запахе вы говорите? – наконец выдавила она. Ее слова прозвучали глухо, как будто она говорила с набитым ртом.

– Он пряный и сладковатый. Как у бренди.

Надя вдохнула и догадалась:

– А-а, это мой лак для волос. Он сильный, профессиональный.

Райдер перевел взгляд на ее волосы, спадавшие беспорядочной копной, как обычно в конце дня, посвященного танцам.

– Я не использую его для волос. Только когда выступаю на сцене.

Его брови почти слились с линией волос.

– Тогда откуда пахнет?

– Он не дает задиаться моему трико, – сказала она, проведя рукой по ногам.

А потом она отошла, но не смогла удержаться, чтобы не обернуться и не увидеть, как он смотрит ей в спину. Схватив свой черный кардиган с запахом, Надя завязала его концы.

Как и в прошлый раз, Райдер подождал, пока она запрет дверь, и пошел следом за ней вниз по лестнице. Когда они вышли на улицу, Райдер двинулся к машине, винтажные очертания которой отражались в темных окнах.

– Могу я подвезти вас?

Надя перекинула свою большую сумку через плечо.

– Спасибо, нет. Я живу буквально за углом. И с удовольствием пройду. К тому же у меня хороший удар.

Она подняла руки, как в боксерской стойке, и попятилась от соблазнительной прохлады машины и ее обладателя.

Райдер не сводил с нее глаз.

– Тогда, может, выпьем кофе?

– Спасибо, нет. Я его терпеть не могу. От него человек перестает расти. Разве вы не знаете? Увидимся на следующей неделе.

Не говоря больше ни слова, она повернулась и пошла домой, спиной ощущая, что он смотрит ей вслед.

Кровь отчаянно пульсировала.

Ей снова пришлось спросить себя: правильно ли она сделала, сказав «нет»? Не стоило абсолютно исключать возможность развлечься.

Нет, только не с Райдером.

Этот человек слишком явно доказал, что способен сбить ее с пути. А в преддверии самых важных в жизни просмотров, Надя должна была полностью контролировать свои чувства. И все остальное тоже. Проблемы постоянно возникали у нее на пути, и, следуя судьбе Кентов, расплачиваться всегда приходилось ей.

Глава 3

Свет то и дело вспыхивал в темноте, а динамики были такими старыми, что едва позволяли уловить ритм. Тем не менее на танцполе отчаянно толкались и прыгали.

Надя подняла над головой голые руки и закрыла глаза. Ее бедра ходили ходуном, ступни горели, а в глубине своего блаженного состояния она танцевала. Она чувствовала, что это должно быть *именно* так. Когда убойный ритм музыки входит в резонанс с твоими костями, наполняя тело жидким огнем, тогда наступает волшебство. Кисти бахромы ее сверкающего серебряного топа ласкали кожу так сексуально... Легко было представить, что эти ощущения вызваны чувственными пальцами мужчины с темными глазами и низким голосом, проникавшим в самую глубину ее существа. Раз уж она не могла получить его, она должна была как-то снять сексуальное напряжение, и несколько часов танца в клубе давали для этого наилучшую возможность.

Внезапно ее охватил приступ жажды, вытеснивший все другие мысли. Выскользнув из моря потных тел, Надя направилась к лестнице, ведущей вниз в бар. Вода со льдом – вот что ей нужно.

Она легко сбегала по ступеням, сделав небольшой пируэт, когда музыка наверху достигла кульминации.

– Поцелуй меня, королева танцпола!

Кто-то схватил ее.

– Эй, полегче! – воскликнула она, схватившись за крепкое плечо и воспользовавшись тем, что сильная мужская рука держала ее за талию, восстановила равновесие. Потом посмотрела вверх и увидела, что ее держит незнакомый парень. Золотые кудри и неуверенная улыбка. Он был просто душка.

– И что мне за это будет?

– Я поспорил с приятелями на двадцатку. Они уверены, что ты откажешься. Говорят, слишком крутая для меня. Не мой уровень. Помоги парню доказать, что они не правы. Выигрыш поделим пополам! – Парень улыбнулся, продемонстрировав очаровательные ямочки на щеках.

– Дай пройти. – Схватив его за руку, Надя нырнула под нее и вырвалась на свободу.

– Эй! – послышалось сзади, но она уже исчезла в поредевшей толпе в поисках бара.

Надя обнаружила, что, пока она танцевала, Сэм с друзьями тоже спустились вниз, расположившись на мягких бархатных диванах в укромном уголке многолюдного бара. Надя двинулась в их сторону под звуки спокойной мелодии, сливавшейся с тихим гомоном разговора.

Сэм встала и помахала ей рукой. Высокая, худенькая, мосластая, как новорожденный жеребенок, с прямыми темными волосами и сказочными серыми глазами, она была красива тихой, спокойной красотой, хотя и рядом не стояла с пронзительной мужской красотой ее брата, разившей наповал.

Надя слегка подтолкнула жениха Сэм – Бена, чтобы он подвинулся.

– Не прислоняйтесь ко мне, мисс Надя, – сказал он, освобождая ей место. – Вы вся потная, а у меня замшевый пиджак.

Взглянув на него, Надя приподняла бровь.

– Это не пиджак, а смех один.

– Вот видишь! – воскликнула Сэм, сидевшая на другом конце дивана. Она улыбнулась, держа в зубах соломинку, другой конец которой был опущен в высокий стакан с какой-то жидкостью ядовито-зеленого цвета.

Надя заметила графин с такой же жидкостью, запотевший от кусочков льда, сверкавших на поверхности, и налила себе стакан. Напиток был горьковатый, приятный на вкус. Она усе-

лась поудобнее и присоединилась к общему разговору. Это были первые настоящие друзья, которых ей удалось найти с момента возвращения домой. Говорить с ними о самых разных смешных, глупых, серьезных вещах, не имевших никакого отношения к танцу, оказалось на удивление приятно. И в те редкие часы, когда она могла себе это позволить, Надя испытывала облегчение. Когда она уедет, ей будет их не хватать.

Внезапно Сэм заметила что-то у нее за спиной, и ее глаза стали до смешного огромными. Этого хватило, чтобы Надя приподнялась и обернулась назад. И увидела обращенный на нее взгляд жгучих светло-карих глаз.

– Райдер! – одновременно воскликнули они с Сэм.

Надя сжала губы вокруг соломинки, чтобы не сказать еще что-нибудь опрометчивое.

– Привет, здоровяк! – позвал Бен, приподнявшись на локте, чтобы пожать руку своему будущему шурину.

В ответ на дружный приветственный хор Райдер лишь улыбнулся уголками глаз. Надя скрестила ноги, стараясь не выдать охватившие ее против воли чувства.

Сейчас Райдер выглядел иначе. Костюм уступил место темным джинсам и темной спортивной толстовке, под которой виднелась оливковая футболка, облегавшая рельефы его мощной груди. Надя погрузила соломинку глубже и сделала большой глоток.

– Я так рада, что ты пришел! – воскликнула Сэм. – Тебе обязательно надо потанцевать с Надей. Нет ничего лучше, чем потренироваться в реальных условиях.

Надя прикусила соломинку. О боже, Сэм решила поиграть в сваху. Надо было положить этому конец. Возможно, она должна объяснить причину.

До сих пор Наде удавалось не выдавать никому своих планов. Ни в студии, ни своей матери, ни Сэм с друзьями. И дело не в том, что она боялась сглазить. Надя никогда не была суеверной, хотя знала многих танцоров, подверженных этому: счастливые туфли, волшебная помада, три пируэта на месте, подражая Айседоре Дункан. Нет, у нее имелся несколько более эгоистичный мотив. В жизни Наде приходилось много раз переезжать с места на место, и она знала, как начинали отстраняться люди, понимая, что работа подходит к концу. А ей хотелось хотя бы еще немного продлить *это* – легкость общения, ощущение, что она своя.

– Здоровяк ведь тоже берет уроки! – Бен подскочил со своего места. – Я слышал, что она сказала, чтобы ты надел трико. Класс!

Надя вытаращила на Бена глаза, но он смотрел на нее с самым невинным видом.

– Как у него дела, Надя? – спросила Сэм, стараясь сгладить неловкость ситуации. – Могу поспорить, что он все время пытается вести.

– У него уже кое-что получается. Особенно когда он выкладывается.

– *Выкладывается* в танце? – повторила Сэм, широко открыв глаза и глядя на брата с задумчивой улыбкой. – Ни за что не поверю.

Надя допустила ошибку, подняв взгляд на человека, о котором шла речь. В его глазах блеснуло предостережение. К сожалению, он недостаточно хорошо знал Надю, чтобы понять, что только подбрасывает дров в ее костер.

– Кроме того, оказалось, что у него прекрасная осанка. – Пульс Нади бился, как обезумевший зверь, не в силах остановиться, она продолжила: – По правде сказать, у меня есть несколько знакомых поклонниц балльных танцев, которые отчаянно мечтают найти партнера-мужчину. Стоит мне только шепнуть им про твоего брата, и начнется настоящее смертоубийство.

У Райдера дернулись желваки. Когда Надя снова встретила с ним взглядом, она уже чувствовала свой пульс.

В этот момент сверху донесли звуки песни Кайли Миноуг. Сэм вскочила с места и умчалась с приятелями танцевать. Бен остался героически охранять места и сумки. К тому

же ему не хотелось подвергать свой новый замшевый пиджак опасности соприкосновения с потными телами танцующих.

– Не хотите ли выйти на воздух? – спросил Райдер, не подвинувшись ни на дюйм.

Хочет ли она? Да, черт возьми!

– Не возражаешь, Бен?

– Ничуть.

– Тогда на воздух! – Надя поставила на стол свой коктейль и встала, проведя потными ладонями по джинсам.

Показав в сторону балкона, на котором толпились любители пива, она последовала за Райдером, прокладывая путь через толпу к свободному месту возле перил. Из верхних окон вырывалась музыка. Снаружи мягко перешептывались фонтаны. Надя глубоко вдохнула прохладный ночной воздух, глядя вниз на шумную улицу, пролегавшую от вокзала к соседним зданиям.

– Когда я предлагал вам пойти выпить кофе, почему вы мне не сказали, что собираетесь пойти сюда с Сэм? – без всяких предисловий спросил Райдер. Его голос звучал неожиданно мрачно.

– А что? Вам что-то не нравится?

Райдер промолчал, но его дернувшаяся щека ответила за него.

– Так и есть! – Надя ткнула пальцем ему в плечо. Наткнувшись на твердую мышцу, он отскочил назад. – Что вы думаете, я ее испорчу? Это зловерное зеленое зелье, замаскированное под коктейль, она заказала сама.

Райдер обхватил руками перила, и его нахмуренный лоб слегка разгладился.

– Сэм... такая открытая. Она никогда не умела толком себя защитить. Так было всегда. Ну ладно. Кажется, он не склонен обвинять. Это его дела. Надя опустила руки.

– Мне кажется, раз уж здесь Бен, вы могли бы не беспокоиться на этот счет.

Райдер насмешливо фыркнул и снова нахмурился с мстительным видом.

– Что? Бен надежный и явно от нее без ума. Я вне себя от ревности.

– Ревности? – Ладно, по крайней мере, он перестал хмуриться. Повернувшись, он облокотился на перила и уставился сквозь толпу на молодого парня, вытянувшегося на мягком диване. Его поднятый воротник доставал до ушей.

Надя вытаращила глаза.

– Ну, вы и гусь. Вас тревожит не Сэм, а то, как Бен ее обожает. Меня и *близко* никто так не любил.

Взгляд Райдера снова скользнул на нее. Бровь поползла вверх от недоверия и раздражения.

– Разве что публика обожала, – сказала Надя, небрежно махнув рукой. – О да. Другие танцовщицы мне завидовали. Мужчины старались доставить мне удовольствие. Но обожать? – Она покачала головой. – Жизнь танцора состоит из бесконечной череды поражений и редких побед, которых хватает, чтобы поддерживать в нас жажду танцевать. К тому же у меня вдвойне крепкая порода: я Кент и танцовщица. Это трудно быть одновременно и крепкой, и обожаемой.

– Обожают щенков, – сказал Райдер. Его глаза изучали лицо Нади, ее волосы, ее серебристый топ. Когда его глаза снова встретились с ее глазами, она почувствовала, что ей стало значительно жарче. – И маленьких крольчат.

– И вашу сестру.

– Увы, к моему великому сожалению, у моей сестры есть тенденция превращаться во что-то подобное. А что касается вас...

Надя с трудом сдерживала желание отвернуться от его тяжелого взгляда.

– Возможно, вас и не обожали, но лишь потому, что вы совершенно другая.

Желание спросить, что он имеет в виду, было настолько сильным, что она едва справилась с ним. Надя оперлась на перила и уставилась в ночь.

– Неужели моя обожаемая сестра выходит замуж за этого болвана? – спросил Райдер после долгого молчания.

– Да, – сказала Надя и облегченно рассмеялась. – А вы думали, что вам это только кажется?

– Нет. Может быть. – Райдер провел рукой по лицу, потом по волосам, взъерошив их.

Надя первый раз видела какое-то проявление уязвимости у этого человека. Она почувствовала, как сердце тяжело ударило ей в ребра.

– Теперь я поняла. Это как в романе Джейн Остин. Старшая сестра – а в данном случае брат – позабыт-позаброшен, тогда как младшая сестра блистает.

Как она и надеялась, от этого смехотворного предположения печальное выражение мгновенно исчезло с лица Райдера. Он улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами в лунном свете.

– Увы, я приговорен остаться холостяком.

– Кем приговорен?

– Всеми женщинами, с которыми когда-то был.

Не встречался. Не знал. *Был.* Надя глубоко вздохнула.

– Я могу быть очень решительным, мисс Кент, когда на то есть причина. А причина заключается в том, что я работаю по восемьдесят часов в неделю, потому что серьезно отношусь к своей работе. И у меня нет оснований отказывать себе в ежегодном отпуске в Белизе, куда я езжу каждую зиму. А в конце дня я еду домой в свою холостяцкую берлогу, к своей холостяцкой подушке.

– Где все стены оклеены постерами с женщинами в бикини с большими... и мотоциклами?

– Нет, но это чертовски хорошая идея.

– Да-а, – протянула она, – это случилось. Ваша маленькая сестренка выросла. Приближается время, когда вам придется найти кого-нибудь другого, чтобы им командовать.

На лице Райдера появилась печальная улыбка, светло-карие глаза слегка прищурились, а рот изогнулся красивой дугой. Когда этот мужчина был решителен и суров, от него захватывало дух. Когда он так улыбался, сердце могло остановиться.

С трудом вдохнув воздух, Надя решила сменить тему:

– Совсем забыла вам сказать, я выяснила, кто хозяин того здания.

Райдер вопросительно поднял бровь.

– Я записала, листок остался у меня в сумке. Там имя и телефон. Напомните мне позже. Или на следующей неделе. Если, конечно, сегодняшнее занятие не отпугнуло вас окончательно.

– На первом занятии меня попросили снять пиджак. На втором вы сказали, что я должен избавиться от рубашки. Разве я могу пропустить третье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.